

Аммосов А.Н., Данзас К.К.

**Последние дни жизни и
кончина Александра
Сергеевича Пушкина**

**Со слов его лицейского
товарища и секунданта
Константина Карловича
Данзаса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А62

А62 **Аммосов А.Н.**
Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина: Со слов
его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса /
Аммосов А.Н., Данзас К.К. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 71 с.

ISBN 978-5-518-08019-5

ISBN 978-5-518-08019-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ство почти со всею нынѣю аристократіею. Между лицами, посѣщавшими часто домъ его, былъ нѣкто баронъ Дантесъ, офицеръ Кавалергардскаго полка.

Данзасъ познакомился съ Дантесомъ въ 1834 году, обѣдая съ Пушкинымъ у Дюме, гдѣ за общимъ столомъ обѣдалъ и Дантесъ, сидя рядомъ съ Пушкинымъ.

По словамъ Данзаса, Дантесъ, при довольно большомъ ростѣ и пріятной наружности, былъ человекъ не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имѣвшій какую-то врожденную способность нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

Способность эта, какъ увидимъ ниже, вызвала къ нему милостивое вниманіе покойныхъ: Государя Николая Павловича и Государыни Александры Ѳеодоровны.

Баронъ Дантесъ былъ французскій подданный, хотя предки его происходили изъ Ирландіи. Служа уже во Франціи, отецъ его получилъ отъ Наполеона I-го титулъ барона. Снабженный множествомъ рекомендательныхъ писемъ, молодой Дантесъ пріѣхалъ въ Россію, съ намѣреніемъ вступить въ нашу военную службу. Въ числѣ этихъ писемъ было одно

•

къ графинѣ Фикельмонъ, пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ покойной Императрицы. Этой-то дамѣ Дантесъ обязанъ началомъ своихъ успѣховъ въ Россіи. На одномъ изъ своихъ вечеровъ она представила его Государынѣ, и Дантесъ имѣлъ счастье обратить на себя вниманіе Ея Величества.

Счастливый случай покровительствовалъ Дантесу въ представленіи его покойному Императору Николаю Павловичу. Какъ извѣстно Данзасу, это произошло слѣдующимъ образомъ:

Въ то время въ Петербургѣ былъ извѣстный баталическій живописецъ Ладюрнеръ (Ladurnère) соотечественникъ Дантеса. Покойный Государь посѣщалъ иногда его мастерскую, находившуюся въ Эрмитажѣ и въ одно изъ своихъ посѣщеній, увидя на полотнѣ художника нѣсколько эскизовъ, изображавшихъ фигуру Людовика Филиппа, спросить Ладюрнера: „Est ce que c'est vous, par hasard, qui vous amusez à faire ces choses là“.

„Non sire! отвѣчалъ Ладюрнеръ C'est un de mes compatriote, légitimiste comme moi, M-r Dantess“.

„Ah! Dantess, mais je le connais, L'Impe-

ratrice m'en a déjà parlé“, сказалъ Государь и пожелалъ его видѣть.

Ладюрнеръ вытащилъ Дантеса изъ-за ширмъ, куда послѣдній спрятался при входѣ Государя.

Государь милостиво началъ съ нимъ разговаривать, и Дантесъ, пользуясь случаемъ, тутъ-же просилъ Государя позволить ему вступить въ русскую военную службу. Государь изъявилъ согласіе. Императрицѣ было угодно, чтобы Дантесъ служилъ въ Ея полку и, не смотря на дурно выдержанный экзаменъ, Дантесъ былъ принятъ въ Кавалергардскій полкъ, прямо офицеромъ, и, во вниманіе къ его бѣдности, Государь назначилъ ему отъ себя ежегодное негласное пособіе.

Имѣя счастливую способность нравиться, Дантесъ до такой степени пріобрѣлъ къ себѣ любовь бывшаго тогда въ Петербургѣ голландскаго посланника барона Гекерена (Heckerene), человека весьма богатаго, что тотъ, будучи бездѣтенъ, усыновилъ Дантеса, съ тѣмъ, единственнымъ условіемъ, чтобы послѣдній принималъ его фамилію.

По поводу принятія Дантесомъ фамиліи Гекерена, кто-то, въ шутку, распустилъ тогда въ городѣ слухъ: будто солдаты Кавалергард-

скаго полка, коверкая фамиліи — Дантесъ и Гекеренъ, говорили: „что это сдѣлалось съ нашимъ поручикомъ, былъ *дантистъ*, а теперь вдругъ сталъ *лекаремъ*.“

Дантесъ пользовался очень хорошей репутаціей и, по мнѣнію Данзаса, заслуживалъ ее вполне, если не ставить ему въ упрекъ фатовство и слабость хвастать своими успѣхами у женщинъ. Но не такъ благопріятно отзывается Константинъ Карловичъ о господинѣ Гекеренѣ: по словамъ его, баронъ былъ человѣкъ замѣчательно безнравственный.

Мы распространились нѣсколько объ этихъ лицахъ потому, что оба они играли весьма важную роль въ судьбѣ нашего поэта.

И баронъ Гекеренъ и усыновленный имъ баронъ Дантесъ вели жизнь совершенно свѣтскую, — разсѣянную.

Въ 1835 и 1836 годахъ, они часто посѣщали домъ Пушкина и домъ Карамзиныхъ и князя Вяземскаго, гдѣ Пушкины были какъ свои. Но послѣ одного или двухъ баловъ на минеральныхъ водахъ, гдѣ были г-жа Пушкина и баронъ Дантесъ, по Петербургу вдругъ разнеслись слухи, что Дантесъ ухаживаетъ за женой Пушкина. Слухи эти долетѣли и до

самаго Александра Сергѣевича, который пересталъ принимать Дантеса. Вслѣдъ за этимъ, Пушкинъ получилъ нѣсколько анонимныхъ записокъ на французскомъ языкѣ; всѣ онѣ слово - въ - слово были одинаковаго содержанія, дерзкаго, неблагопристойнаго.

Авторомъ этихъ записокъ, по сходству почерка, Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерена, отца, и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. *) Послѣ смерти Пушкина многіе въ этомъ подозрѣвали князя Гагарина **); теперь-же подозрѣніе это осталось за, жившимъ тогда вмѣстѣ съ нимъ, княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ ***).

Поводомъ къ подозрѣнію князя Гагарина въ авторствѣ безыменныхъ писемъ послужило то, что они были писаны на бумагѣ, одинаковаго формата съ бумагою князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагаринъ признался, что записки дѣйствительно были писаны на его бумагѣ; но только не имъ, а кня-

*) Приложение № 1.

**) Вступившаго потомъ въ Іезуиты.

***) Извѣстнымъ подъ прозвищемъ le bancai.

земъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ *).

Мы не думаемъ, чтобы это признаніе сколько-нибудь оправдывало Гагарина — позоръ соучастія въ этомъ грязномъ дѣлѣ, соучастія, если не дѣятельнаго, то пассивнаго, заключающагося въ знаніи и допущеніи — остался все-таки за нимъ.

Надо думать, что отказъ Дантесу отъ дома не прекратилъ гнусной интриги. Оскорбительные слухи и записки **) продолжали раздражать Пушкина и вынудили его наконецъ покончить съ тѣмъ, кто былъ видимымъ поводомъ всего этого. Онъ послалъ Дантесу вызовъ чрезъ офицера Генеральнаго Штаба Клементія Осиповича Россета. Дантесъ, принявъ вызовъ Пушкина, просилъ на двѣ недѣли отсрочки.

Между-тѣмъ вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, князю Вяземскому и барону Геккерену, отцу. Всѣ они старались по-

*) Если-бы не эти записки, говорить Дантесъ, у Пушкина съ Дантесомъ не было-бы никакой исторіи.

**) Когда Пушкинъ отказалъ Дантесу отъ дому, Дантесъ нѣсколько разъ писалъ его женѣ, по словамъ Данзаса: Наталья Николаевна Пушкина всѣ эти письма показывала мужу.

тушить исторію и разстроить дуэль. Гекеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому, что баронъ Дантесъ дѣлалъ это съ благородной цѣлью, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной Екатерины Николаевны Гончаровой *).

Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Гекерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи.

Вслѣдствіе-ли совѣта Жуковского или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но Дантесъ на другой, или даже въ тотъ-же день, сдѣлалъ предложеніе, и зимой въ 1836 году была его свадьба съ дѣвицей Гончаровой.

Во весь промежутокъ этого времени, не смотря на оскорбительные слухи и дерзкія

*) Катерина Николаевна Гончарова жила у Пушкиныхъ вмѣстѣ съ другой своей сестрой Александрой Николаевной.

анонимныя записки, Пушкинъ, сколько извѣстно, не измѣнилъ съ женою самыхъ нѣжныхъ дружескихъ отношеній, сохранилъ къ ней прежнее довѣріе и не обвинялъ ее ни въ чемъ. Онъ очень любилъ и уважалъ свою жену, и возведенная на нее гнусная клевета глубоко огорчила его: онъ возненавидѣлъ Дантеса и, не смотря на женитьбу его на Гончаровой, не хотѣлъ съ нимъ помириться. На свадебномъ обѣдѣ, данномъ графомъ Строгановымъ въ честь новобрачныхъ, Пушкинъ присутствовалъ, не зная настоящей цѣли этого обѣда, заключавшейся въ условленномъ разнѣ нѣкоторыми лицами примиреніи его съ Дантесомъ. Примиреніе это однакоже не состоялось и когда послѣ обѣда баронъ Гекеренъ, отецъ, подойдя къ Пушкину, сказалъ ему, что теперь, когда поведеніе его сына совершенно объяснилось, онъ, вѣроятно, забудетъ все прошлое и измѣнитъ настоящія отношенія свои къ нему на болѣе родственныя. Пушкинъ отвѣчалъ сухо, что, не взирая на родство, онъ не желаетъ имѣть никакихъ отношеній между его домомъ и г. Дантесомъ.

Со свояченицей своей во все это время Пушкинъ былъ милъ и любезенъ по-прежнему

и даже весело подшучивалъ надъ нею, по случаю свадьбы ея съ Дантесомъ. Разъ, выходя изъ театра, Данзасъ встрѣтилъ Пушкиныхъ и поздравилъ Катерину Николаевну Гончарову, какъ невѣсту Дантеса; при этомъ Пушкинъ сказалъ шутя Данзасу: „*Ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera: Russe, Française ou Hollandaise*“!?

Сухое и почти презрительное обращеніе въ послѣднее время Пушкина съ барономъ Геккереномъ, котораго Пушкинъ не любилъ и не уважалъ, не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Геккеренъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Пушкина и, скрывая это, началъ вредить тайно поэту. Будучи совершенно убѣжденъ въ невозможности помирить Пушкина съ Дантесомъ, чего онъ даже едва-ли и желалъ; но относя негодованіе перваго единственно къ чрезмѣрному его самолюбію и ревности, мстительный голландецъ тѣмъ не менѣе продолжалъ показывать видъ, что хлопочетъ объ этомъ ненавистномъ Пушкину примиреніи, понимая очень хорошо, что это даетъ ему поводъ безнаказанно и безпрестанно мучить и оскорблять своего врага. Съ этою цѣлью, съ помощію

другихъ, подобно ему враговъ Пушкина, а иногда и недогадливыхъ друзей поэта, онъ постоянно заботился о встрѣчахъ его съ Дантесомъ, заставляя сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ Дантесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться. Такихъ писемъ Пушкинъ получилъ два *), одно еще до обѣда, бывшаго у графа Строганова, на которое и отвѣчалъ за этимъ обѣдомъ барону Гекерену на словахъ то, что мы сказали уже выше, т. е., что онъ не желаетъ возобновлять съ Дантесомъ никакихъ отношеній. Не смотря на этотъ отвѣтъ, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ; но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который Дантесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно по совѣту Гекерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ Дантеса. Это письмо, Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ г-жѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо Дантесу; но встрѣтясь у ней съ барономъ Гекереномъ, онъ подошелъ къ нему и, вынувъ

*) Писемъ этихъ не сохранилось.